

РУССКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ ОБ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Marina KASUMOVA¹

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется процесс зарождения и развития регулярных дипломатических отношений между Османской и Российской империями на примере записок графа П. А. Толстого – первого российского посланника в Турции. Показаны источники знаний о Турции и турецком обществе в России, дается краткий перечень основных дипломатических документов по русско-турецким отношениям в Архиве внешней политики Российской империи.

Ключевые слова: Османская империя, Российская империя, внешняя политика, дипломатические источники.

Kasumova, Marina. "Russkie Diplomaticheskije Dokumenty Kak İstochnik Znaniĭ Ob Osmanskoy İmperii". *idil* 3.13 (2014): 108-116.

Kasumova, M. (2014). Russkie Diplomaticheskije Dokumenty Kak İstochnik Znaniĭ Ob Osmanskoy İmperii. *idil*, 3 (13), s.108-116.

¹ Doçent, Fatih Üniversitesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, İstanbul, doçent, кандидат филологических наук, kasumova@mail.ru mkasumova(at)fatih.edu.tr
Y.N: Bu çalışma Fatih Üniversitesi Bilimsel Araştırma Projeleri Fonu tarafından P51171402_B proje numarasıyla desteklenmiştir.

RUSSIAN DIPLOMATIC DOCUMENTS AS AN INFORMATIONAL SOURCE ABOUT OTTOMANS

ABSTRACT

The article explores the process of starting and developing regular diplomatic relations between the Ottoman and Russian empires by the example of the notes of Count P. A. Tolstoy – the first Russian ambassador in Turkey. Showing sources of knowledge about Turkey and Turkish society in Russia, provides a brief list of the main diplomatic sources on Russian-Turkish relations in the Foreign Policy Archive of the Russian Empire.

Keywords: The Ottoman Empire, the Russian Empire, foreign policy, diplomatic sources.

В XVIII – начале XIX веков наблюдается активный рост и развитие европейских знаний о восточных обществах. После периода количественного накопления фактов, начинается период их качественной систематизации. Складывающиеся научный и гуманитарный дискурсы путем классификации, каталогизации и категоризации вводили каждый народ, общество и государство в отведенное для них место на карте, в каталоге, описи, коллекции, на эволюционной лестнице, на ступени общественного и исторического прогресса. Новый этап в развитии знаний тождествен новому этапу взаимоотношений Европы и Азии. Фактически устанавливается новый, иерархический политический и дипломатический порядок, который разделяет мир.

К началу XVIII в. завершился процесс территориального расширения Османской империи. Под властью империи находились территории, население которых различалось этнически, конфессионально, ментально, имело различные исторические траектории развития и, как следствие, социальные, экономические и культурные практики. Истории народов, проживающих в этом огромном регионе, в значительной степени связаны с Османской империей. В свою очередь, история самого османского государственного образования является важной и неотъемлемой частью национальных историй этих народов. Именно поэтому, выявление и изучение документальных источников, касающихся того или иного периода истории Османской империи представляют значительный интерес не только для истории собственно Турции и турок, но и всего бывшего «османского региона», *par excellence*.

Накопленные в России знания об Османской империи, сыграли значительную роль в зарождении, становлении и развитии туркологии (османистики) как науки. В середине XIX века утверждалось, что «Турция была до греческого восстания во всех отношениях terra incognita, и распространенные о ней среди публики банальные представления покоились больше на сказках из «Тысячи и одной ночи», чем на исторических фактах», и лишь «в России... нашлось достаточно людей, способных понять истинное положение и характер Турции» (Энгельс: 20-21).

Обширные сведения об Османской империи накапливались в документах посольств и миссий, отправлявшихся русским правительством в страну уже с конца XV в. Изучение и использование этих документов имеет давние традиции в русской историографии. Однако, как правило, эти материалы находили свое использование в контексте международных отношений и внешней политики России. Достаточно редко русские дипломатические документы привлекались для исследования истории самой

Османской империи. При этом они включают в себя огромный массив информации, так как, по мнению Ф. Энгельса, «в то время, как Англия, Франция и, в течение длительного времени, даже Австрия, бродили в потемках, пытаясь определить свою восточную политику», Россия, «которая сама являлась страной с полуазиатскими общественными условиями, обычаями, традициями и учреждениями», сумела «полностью освоиться с турецкими делами» (Энгельс: 31).

К началу XVIII в. в России имелся уже обширный массив литературы и других источников об Османской империи (Рафиков 1978: 220-221; Данциг 1965: 30-63). Это были отчеты о посольских путешествиях (Забелин 1877: 1-33), различные записки и воспоминания купцов (*Житие и хождение*: 1891), бывших пленников (*Описание Турецкой империи*: 1890), паломников в «святые места» (*Путешествие в Святую землю*: 1863; *Паломники-писатели*: 1873). В «Скифской истории» А. И. Лызлова – первой исследовательской работе в России, посвященной истории Востока – основное внимание было уделено именно Османской империи (Чистякова: 1963). Во второй половине XVII в. появились переводы на русский язык европейских сочинений об Османской империи. (Старовольский: 1883; Соболевский: 238-244), нарративы, в которых говорилось о происхождении турок, их завоеваниях, религии, обычаях, а также некоторые документы из переписки турецкого султана с польским королем, императором Леопольдом и германскими государями (Рафиков: 222). Подобные издания и рукописи появились и в частных библиотеках (Рафиков: 223-260). Например, ездивший в 1651 и 1654 гг. в Иерусалим и Стамбул, Арсений Суханов, привез домой около 500 рукописей и книг (Данциг: 35).

Издавна проявлявшийся в России интерес к Османской империи особенно активизировался в период правления Петра I, что было обусловлено тогдашними русско-турецкими отношениями. На рубеже XVII – XVIII вв. начинается новый этап внешнеполитической истории Османской империи. В европейской политике империи постоянная агрессивность постепенно сменяется выжидательной тактикой; подчас проявляются некоторая гибкость, желание достичь поставленных целей дипломатическим путем, игра на противоречиях между европейскими державами. Осуществление подобной политики требовало более детального, чем раньше, ознакомления с практикой европейской дипломатии.

В течение первых десяти лет XVIII в. Османская империя не вела войн в Европе, несмотря на то, что международная обстановка (война за Испанское наследство и Северная война), казалось бы, благоприятствовала продолжению турецких завоеваний. Разумеется, внешнеполитическая пассивность турецких

правлящих кругов носила вынужденный характер. Страна, истощенная многочисленными войнами, была не в состоянии продолжать с прежней активностью постоянно агрессивную политику. В период более чем десятилетней военной и дипломатической паузы перед правящими кругами Османской империи со всей очевидностью встали серьезные внутренние проблемы и трудности, которые свидетельствовали о весьма сложной ситуации, в которой оказались османское общество и государство. Повстанческие движения и сепаратистские мятежи были тогда почти постоянным явлением внутри османского государства.

В этот трудный для империи период при султанском дворе учреждается первое постоянное российское посольство. Как известно, при Петре I постоянные российские посольства становятся постоянной дипломатической практикой. Османская империя была одной из первых держав, в которой было учреждено подобное посольство. Соглашение об этом с властями Османской империи было утверждено документально, так как статья об учреждении постоянного посольства была внесена в Константинопольский мирный договор 1700 г.

Первым постоянным российским послом в Османской империи стал П. А. Толстой (Крылова: 1966, 1959, 1941). Известный русский историк XVIII в. М. М. Щербатов отмечал, что «Толстой искусством своим в политически делах, [есть] не менее единым разумом своим подкрепляющий Российский скипетр» (Щербатов: 274).

Дипломатическая деятельность П. А. Толстого выражалась в проведении многочисленных конференций-встреч с турецкими государственными деятелями. Относительно всех событий: конференций послов, встреч с должностными лицами и т. п. он составлял подробные «статейные списки», которые являются важнейшими источниками деятельности русской дипломатии и чрезвычайно важны для изучения истории самой Османской империи того периода.

В практике русской дипломатической службы составление статейных списков, т. е. отчетов послов, подаваемых в Посольский приказ и представляющих собой каждодневные записи обо всем, что происходило с русскими дипломатами во время их миссии и что им стало известно, равно как и ответы на «статьи» инструкций, было характерно с конца XV до начала XVIII в. Позднее, как правило, они уже не составлялись, поскольку развитие транспорта и установление постоянной почтовой связи позволяли послам отправлять регулярную корреспонденцию своим правительствам.

Статейные списки П. А. Толстого – одни из последних документов подобного рода (Крылова, 1961: 163-181). Их составление было вызвано, помимо отсутствия постоянных сношений с Посольским приказом в Москве, особой сложностью положения русского посла при Порте. В российских архивах имеются статейные списки П. А. Толстого за 1702 – 1709 гг. Записи каждого года составляют отдельную книгу до 700 листов (РГАДА). Как показывают архивные материалы, и в том числе статейные списки, посольство П. А. Толстого сыграло важную роль в деле сохранения мирных отношений с Османской империей. Известия, получаемые от Толстого, позволяли вовремя принимать меры к устранению возможных конфликтов, разъяснению тех или иных действий России.

Кроме того, П. А. Толстым было составлено подробное описание Османской империи, которое в мае 1703 г. было отправлено российскому правительству (*Русский посол в Стамбуле*).

Данный документ известен и неоднократно цитировался в исторической литературе. В нем дается не только представление о целях русской дипломатии в отношении Османской империи (а лишь в этом плане он до сих пор и изучался), но и о самой стране. В дополнение к военно-политическим, дипломатическим данным, о которых уже говорилось выше, Толстой рисует картину внутренней жизни Османской империи при султанах Мустафе II, сообщает сведения по многим важным вопросам, которые так подробно не освещались ни в турецких, ни в европейских источниках начала XVIII в. Например, о налоговом гнете, отношении к немусульманскому населению, характеристике государственного аппарата в целом и персонально отдельных представителей правящей верхушки, о коррупции при дворе, положении войска и особенно флота, о взаимоотношениях Турции с европейскими державами, деятельности их послов в Турции, стремившихся к обострению русско-турецких отношений. Одновременно в документе, как и в других материалах посольства, показана деятельность П. А. Толстого, направленная на сохранение мира между двумя державами.

Толстой по роду своей деятельности наиболее близко соприкасался с феодальной бюрократией, а также с высшим мусульманским духовенством, роль и влияние которого особенно усилились в тот период. Так, он сообщает, что если прежде «муфтии в политические дела не вступали, оставляя то везилям, а сами управлялись в духовных делах», то теперь положение изменилось (*РГАДА*, 1703, д. 2: 194).

Толстой дает довольно подробные сведения о государственно-административном аппарате, характеризует основных высших должностных лиц того времени, объясняя круг обязанностей каждого. Значительный интерес представляют, в частности, сведения об управлении государственными финансами, которое велось настолько неупорядоченно, что точная сумма годового дохода государства была неизвестна даже министрам (РГАДА, 1703, д. 2: 199).

Большой интерес представляют сведения Толстого о налогово-податной системе, т. е. о налоговых сборах и порядке их взимания в Египте, Сирии, Анатолии, Кипре, Сербии, Боснии, Крыму, о распределении доходов и расходов в этих частях империи (РГАДА, 1703, д. 2: 188, 194, 200).

Таким образом, имевшиеся в России разрозненные сведения, накопленные стараниями целых поколений паломников, купцов, дипломатов, военных и пленных вошли составной частью в общий комплекс практического знания о турецком Востоке. Однако начиная с Петра I правительство и общество России стали проявлять более глубокий и постоянный интерес к своему южному соседу (Желтяков: 88). И здесь несомненен вклад П. А. Толстого. Его «отписка» на «статьи», донесения и другие документы знаменуют собой достижение нового этапа знаний в России об Османской империи. Причем, если публикуемые донесения можно рассматривать как непосредственное свидетельство очевидца (в чем их и ценность), то «отписка» дает материал иного рода: это серьезное исследование разных сторон жизни Османской империи. Возможность его появления говорит о зарождении научной тюркологии в России, которое акад. А. Н. Кононов как раз и относит к началу XVIII в. (Кононов: 25).

Наиболее крупным собранием источников российской дипломатии является Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), который включает в себя документы и материалы по внешней политике периода Российской империи (1721 – 1917). Большая часть фондов АВПРИ хронологически является продолжением соответствующих фондов упоминавшегося выше РГАДА. Это показывает и единая нумерация фондов. К примеру, Фонд 89 – «Сношения России с Турцией» АВПРИ есть продолжение Фонда 89 РГАДА – «Сношения России с Турцией». Такое образование фондов связано как с существованием, так и с дальнейшей деятельностью Коллегии иностранных дел (КИД) – внешнеполитического ведомства Российской империи, образование которой было логическим продолжением процесса централизации и специализации государственно-бюрократического аппарата империи и активизации ее внешней политики (Архив, 1995).

Материалы по Турции распределены по различным фондам. На базе страноведческого принципа сформирован Фонд 89 «Сношения России с Турцией»; материалы дипломатических и консульских представительств находятся в самостоятельных фондах – Фонд 90 «Константинопольская миссия»; в фондах загранучреждений внешнеполитической службы Российской империи (конец XVIII — начало XX века) – Фонд 180 «Посольство в Константинополе», а также консульств на территории османской империи; в фондах центральных подразделений министерства иностранных дел – Фонд 154 «Азиатский департамент», Фонд 149 «Турецкий стол».

В целом, можно констатировать, что с начала XVIII века хронологически параллельно и взаимосвязано развивается несколько важных процессов: формирование активной внешней политики Российской империи на южном направлении, где, в свою очередь, проявляются серьезные кризисные явления в Османской империи, что отражается на ее внешнеполитическом курсе. Вместе с тем, в процессе преобразований и трансформаций петровской эпохи, в России складывается система научных знаний. В том числе о Востоке в целом и о Турции, в частности. Потребности государственно-бюрократического аппарата Российской империи дополняются и обогащаются эвристическими возможностями новой системы научных знаний о народах, их численности, быте и нравах, о государствах и их устройстве. Вполне естественно, огромное количество новых сведений, отраженных в многочисленных документах, трактатах, записках, нотах и т. п. письменных источниках дипломатического происхождения, не могло не иметь субъективного характера, что, в свою очередь, было детерминировано объективными структурами, в рамках которых данные документы производились, распространялись и которыми руководствовались при принятии дипломатических и военно-политических решений.

Bibliografija

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii: Putevoditel'. M., 1995.

Dancig B. M. Russkie puteshestvenniki na Blizhnem Vostoke. M., 1965.

Zheltjakov A. D. Izuchenie kul'tury Turcii v Rossii i SSSR. / Tjurkologicheskij sbornik 1978. M., 1984.

Zhitie i hozhdenie v Ierusalim i Egipet kazanca Vasilija Jakovleva Gagary 1634-1637 // Pravoslavnyj palestinskij sbornik. SPb., 1891, t. XI, vyp. 3.

Zabelin I. E. Posol'skie puteshestvija v Turciju v XVII stoletii // Russkaja starina. 1877, № 9.

Kononov A. N. Istorija izuchenija tjurkskih jazykov v Rossii. Dooktjabr'skij period. L., 1972.

Krylova T. K. Russkaja diplomatija na Bosfore v nachale XVIII v. (1700-1709). / Istoricheskie zapiski. M., 1959. T. 65; --. Russkaja diplomatija na Bosfore v 1711-1714 gg. / Mezhdunarodnye svyazi Rossii v XVII-XVIII vv. M., 1966; --. Russko-tureckie otnoshenija vo vremja Severnoj vojny. / Istoricheskie zapiski. M., 1941. T. 10.

--. Statejnye spiski petrovskih diplomatov (1700-1714) / Problemy istochnikovedenija. 1961. T. IX.

Opisanie Tureckoj imperii, sostavlennoe russkim, byvshim v plenu u turok vo vtoroj polovine XVII veka. // Pravoslavnyj palestinskij sbornik. SPb., 1890, t. X, vyp. 3.

Puteshestvie v Svjatuju zemlju svjashhennika Luk'janova // Russkij arhiv. 1863, vyp. 1-5; Palomniki-pisateli petrovskogo i poslepetrovskogo vremeni ili putniki vo svjatoj grad Ierusalim // Chtenija v Imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej Rossijskij pri Moskovskom universitete. 1873, kn. 3

Rafikov A. X. Literatura o stranah Azii i Afriki v chastnyh knizhnyh sobranijah i v biblioteke Akademii nauk v pervoj polovine XVIII v. / Kniga v Rossii do serediny XIX veka. L., 1978.

Russkij posol v Stambule: Petr Andreevich Tolstoj i ego opisanie Osmanskoj imperii nachala XVIII v. M., 1985.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (CGADA). 1702, d. 1; 1703, d. 3; 1704, d. 3; 1705, d. 4; 1706, d. 3; 1707, d. 3; 1708, d. 2; 1709, d. 1.

Sobolevskij A. I. Perevodnaja literatura Moskovskoj Rusi XIV-XVII vekov. // Sbornik Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk SPb., 1903, t. 74.

Starovol'skij S. Dvor cesarja tureckogo. SPb., 1883.

Chistjakova E. B. «Skifskaja istorija» A. I. Lyzlova i voprosy vostokovedenija. / Oчерki istorii russkogo vostokovedenija. M., 1963.

Shherbatov M. M. Sochinenija. T. 1. SPb., 1896.

Jengel's F. Tureckij vopros. / Marks K. i Jengel's F. Sochinenija. 2-e izd. T. 9.